

Н. Г. Арефьева

ИНОЯЗЫЧНОЕ ВЛИЯНИЕ ВО ФРАЗЕМИКЕ РУССКИХ ГОВОРОВ ОДЕСЩИНЫ

Аннотация. В статье рассматривается иноязычное и инокультурное влияние, отраженное во фраземике русских говоров Одесщины. Приводятся факты межъязыкового и межкультурного – славянского и неславянского – взаимодействия. Автор приходит к выводу о наиболее значительном влиянии близкородственного украинского языка и его говоров на фраземику русских диалектоносителей.

Ключевые слова: русские говоры Одесщины, диалектная фразема, межъязыковые и межкультурные контакты, иноязычное влияние, фразеологическая картина мира.

Русские говоры Юга Украины (островные, южнорусские, преимущественно курско-орловские) около двухсот и более лет находятся в поликультурном и полилингвальном окружении. Тесные многолетние межъязыковые и межкультурные контакты с соседями – болгарами, молдаванами, немцами, румынами, гагаузами и прежде всего, конечно, с украинцами явились причиной немалого количества заимствований, как лексических, так и фразеологических. Совершенно справедливы в этом ключе слова проф. В. М. Мокиенко: «Как ни один народ не может полнокровно существовать без разносторонних контактов с другими народами, так и язык истощился бы сам в себе, не находя подкрепления в других языках и не отдавая им, в свою очередь, собственных живительных соков» [1, с. 8].

Иноязычное и инокультурное влияние особенно выпукло и ярко представлено во фразеологическом фонде – аккумуляторе духовного опыта народа-носителя. М. К. Сивицкене отмечает: «В тех случаях, когда русские говоры оказываются в разноязычной среде, в которой имеются и близкородственные языки или диалекты, больше всего влияние проявляется со стороны этого родственного языка или диалекта» [2, с. 10]. Именно этим фактом, как и фактом многолетнего совместного проживания, объясняется наиболее значительное влияние близкородственного украинского языка и его говоров на фраземику русских диалектоносителей Одесщины. Рассмотрим его.

Влияние украинского языка и его говоров.

Языковые особенности украинского языка в проекции на фраземику русских говоров Юга Украины нашли отражение на всех уровнях – фонетическом, морфологическом, синтаксическом [3]. Велико влияние украинского языка и его говоров на фразеологический фонд русских диалектоносителей в аспекте **заимствований слов**, ставших впоследствии устойчивым структурным компонентом фраземы. Так, широко представлен в исследуемой нами фраземике украинизм *нема́*; только по данным ФСРГО, насчитывается 21 фразема с этим лексическим компонентом, сравн.: *Вже на́до́ лучше, да нема́ куда́* ‘надо бы лучше, да некуда’, *в поя́ву нема́* ‘в помине нет’, *ко́нця́ кра́ю нема́* ‘о чем-л., дящемся бесконечно долго’, *нема́ [и] мо́ды* и *нема́ мо́ду* ‘не заведено, не принято’, *нема́ тако́го за́воду* ‘нет такого обычая; не заведено, не принято’, *нема́ у за́води* ‘нет и в помине’, *ни ду́ши ни те́ла у́же нема́* ‘о состоянии сильного беспокойства, волнений, переживаний из-за кого-л., чего-л.’, *спа́су нема́* 1) ‘нет спасения, невозможно избавиться от кого-л. или чего-л.’; 2) ‘невозможно терпеть’ и др. [4, с. 51, 58, 112, 134–135, 140, 197]. Союз-частицу *як* вместо русского *как* находим в компонентном составе ряда фразем: *злой як Гі́тлер* ‘очень злой’, *як картинка́* ‘о ком-л., чем-л. очень красивом’, *Бога́тый – як схоче́т, а бе́дному (бе́дняку) – як уда́тся* ‘у богатых много возможностей, бедный же надеется на удачу’ [4, с. 98, 231, 37–38]. В большом количестве вошли в состав исследуемой нами фраземики и другие украинизмы: *гра́ти* ‘иг-

рать', *мати* 'иметь', *рòзум* 'разум', *кабàк* и *гарбуз* 'тыква', *раптовий* 'внезапный', *крапка* 'точка', *нехай* 'пусть', *вгòру* 'вверх', *дивчйна* 'девушка', *намісто* 'бусы', *порòжній* 'пустой', *хай* 'пусть' и многие другие. Сравн. лишь некоторые из многочисленных фразем с компонентом-украинизмом: *грать у рèмень* 'вид игры холостых парней на вечеринке накануне свадьбы', *поняття не мать* 'не иметь представления о чем-л., не разбираться в чем-л.', *рòзуму на пять бань* 'глупый человек', *кабакà (кабакòв) давàть / дать (надавàть)* и *давàть / дать гарбузà* 'отказывать жениху; отказывать кому-л. при сватовстве', *раптовий дождь* 'проливной дождь', *становить крапку* 'завершать, заканчивать какое-л. дело', *Нехай Бог дает вам с водь и рось!* 'пожелание удачи, счастья в речевом этикете старообрядцев-липован', *Нехай придет родина, чтоб была счастлива девчйна!* 'важно, чтобы девушка после замужества попала в хорошую семью', *вгòру кричàть* 'петь высоким голосом', *адегйное намісто* 'бусы, плотно прилегающие к шее', *порòжня голова* 'глупый человек', *Хай Бог тебя (вас) хранит!* 'доброе пожелание кому-л. на прощание' [4, с. 72, 167, 174, 182–183, 104, 75, 180–181, 200, 138, 139, 45, 32, 168, 218].

Ряд фразем, заимствованных напрямую из украинского языка и его говоров, вошли в речь русских переселенцев благодаря яркой экспрессивно-эмоциональной окраске: *чумàцкий шлях* 'Млечный путь' [5, с. 755; 4, с. 227–228]; *до путя* 'хорошо (делать что-л.)' [6, т. 1, с. 170]; *гонять кого как [соленого] зайца* – шутил.-ирон. 1) 'ругать кого-л., устраивать нагоняй кому-л?'; 2) 'держат кого-л. в строгости, заставляют что-л. делать' [7, с. 213]; *швидка Настя напàла* – эф., шутил. 'о расстройстве желудка' [5, с. 427] и др.

Во фраземике русских диалектоносителей нашли воплощение такие культурно значимые для украинцев концепты и культурные символы, как *чумак*, *хата*, *рушник*, *гурт*, *казак*, *борц*, *макитра*. Так, 22 фраземы сопряжены с концептом *хата* (*большая хата*, *великая хата*, *верхняя хата*, *отходящая хата* и др.); 6 – с концептом *чумак* (*чумак за солью едет*, *чумак в бульбакà попàл*, *чумак в воду (у воду) попàл*, *чумàцкий дождь*, *чумàцкий шлях*, *що чумак веззè, то и грыззè*); 5 – с концептом *рушник* (*вязать рушники*, *вязать/повязать рушникòм (рушникàми)*, *идти / пойти (ехать / поехать) с рушникàми*, *посылать / послать за рушникàми*, *перевязывать (перевязывать, обвязывать) / перевязать (первязать) рушникàми (рушникòм)*); 2 – с концептом *гурт* (*у (в) гурте*, *Гуртом да миром сподручней*)); 2 – с концептом *борц* (*трынды-рынды – гòлый борц*, *бèлый борц*); 1 – с концептом *казак* (*казàчья суля*); 1 фразема сопряжена с концептом *макитра* (*под макитру*).

В целом из 1744 фразем, собранных нами в исконно русских селениях Юга Украины и разработанных в приложении к диссертационному исследованию и ФСРГО, 185 фразем несут в себе следы украинского влияния, то есть составляют более 10% от общего количества фразеологических единиц [3].

Влияние болгарского языка и его говоров.

Влияние болгарских говоров на фраземику русских говоров Юга Украины незначительно и проявляется в следующих видах заимствования:

– заимствование лексем, вошедших в состав фразем в качестве устойчивого структурного компонента, сравн. *умàриваться / умориться что пèтел (пèтели)* 'очень уставать': *У нèmцэф што пèтили умàривались, аж музули абдирàли* (Введ., 1971) [4, с. 214], где заимствование *пèтел* – от болг. *петел* – 'петух' [8, с. 442]; *грядину дèлать* 'обрабатывать огород': *Булгàры дèлали уридйны* (Вас., 1974) [4, с. 73], и *грядинский цветòк (цветòчек)* 'цветок майоры': *Нòни вьàрасли калàчики и уридйские цвить* (Мур., 1973). *А эта мы уаварим уридйнский цветòчик* (Мур., 1973) [6, т. 1, с. 146; 4, с. 73], где многозначное болг. *грядина* (общеупотр. *градина*, прилаг. *градински* 'садовый; огородный' [8, с. 97]) в русских говорах стало служить для обозначения большого колхозного огорода за селом, тогда как для обозначения приусадебного участка (огорода) стало использоваться украинское слово *горòд* [9, с. 100, 107], сравн.

фразему *горòд дèлать* ‘обрабатывать огород’ [4, с. 71]. Адъективный компонент фраземы *гринадерская бригада* ‘овощеводческая (т. е. градинарская) бригада’: *Муш у уринадерской бригади работат* (Вас.) [4, с. 73], таким образом, являет собой искаженный болгаризм *градинàрска (бригада)*, от болг. *градинàр* – ‘1) садовник; садовод; 2) огородник’ [8, с. 97]. В русских говорах широко употребительной стала многозначная лексема *гармàн* и ее дериваты, ставшие компонентом устойчивых сочетаний, сопряженных с мотивом молотьбы, сравн. фраземы *гарманòванная (гарманòвочная) дòска* – устар., этнограф. ‘доска, употребляемая в старину для обмолота зерна’ [4, с. 66] и *гарманòванный (гармàнный, гарманòвый, гармановишний, гармòтный) камень* – устар., этнограф. ‘большой круглый зубчатый каток, употребляемый в старину для молотьбы при помощи лошадей’ [4, с. 66–67]. По данным ЕСУМ, лексема *гармàн* – от болг. *хармàн* – заимствование из турецкого (тур. *harman* – ‘молотьба, ток’) [10, т. 1, с. 474]. В болгарском языке лексема также является многозначной и функционирует в следующих значениях: 1) ‘гумно, ток’; 2) ‘молотьба’; 3) перен. ‘большой урожай’; 4) ‘смесь (разных сортов табака, чая и т. п.)’ [8, с. 696]. Возможно, 3-е значение лексемы послужило образной основой фраземы *гармàном иди* ‘идти косяком (о рыбе)’: *Кòрап идиеть гармàнам в апрèли мèсицы* (Вас.) [4, с. 66];

– заимствование всего устойчивого сочетания (далее УС), номинирующего то или иное понятие и иногда выполняющего роль дублетного во фразеологической картине мира (далее ФКМ) русских переселенцев, сравн. фразему *годишина рòкля* ‘свадебное платье’: *Гадйшну рòклю ни нивèста, а жаних пакупайи* (Серг.) [4, с. 70];

– заимствование фраземы, обозначающей новое, освоенное в результате межкультурных контактов понятие. Так, русским переселенцам не была известна кукуруза. Осваиваясь на новых территориях, они переняли от соседей-болгар способ приготовления воздушной кукурузы, сравн. фразему *пуканки пукать* ‘готовить жареные кукурузные зерна, употребляемые в пищу; готовить воздушную кукурузу’: *Пуканки пукали для дитèй* (Павлов., 1975) [4, с. 176], где болг. *пуканки* ‘воздушная кукуруза’; *пукать* – от болг. *пукам* – 3) ‘приготавливать (воздушную кукурузу)’ [8, с. 545]. Сравн. также болг. *пукам цàревица* в том же значении [8, с. 545]. Аналогичный тип заимствования представляют фраземы *синий патладжàн, синий баклажàн* ‘баклажан’ и *красный патладжàн, красный баклажàн* ‘помидор’ [4, с. 191, 115], перешедшие вместе с новым для русских диалектоносителей понятием «помидоры», сравн. болг. *патладжàн* 1) ‘баклажан’; 2) уст. ‘помидор’ [8, с. 438];

– заимствование продуктивной структурно-семантической модели. УС *красные помидòры* ‘помидоры’ и *синие помидòры* ‘баклажаны’ [4, с. 115, 191], появившиеся в речи русских переселенцев позже в связи с освоением литературного *помидоры*, построены по аналогии с первоначальной структурно-семантической моделью, лежащей в основе болгарских фразем *син патладжàн* ‘баклажан’ и *червèн патладжàн* ‘помидор’ [9, с. 112–113].

Неславянское влияние.

Во фраземике русских говоров Юга Украины отмечают следы влияния румынского, молдавского, немецкого, турецкого, еврейского языков. В целом неславянское влияние на фразеологический фонд русских переселенцев составляет чуть более 1%.

Влияние румынского языка. Реалии, в которых находились местные жители во времена румынского боярства (1918–1940 гг.), нашли отражение в наиболее значимых фрагментах ФКМ. Так, фразема *засылать / заслать примарèй* – обряд. ‘засылать сватов; сватать невесту’: *Кавалèр засылаить примарèй к нивèсти* (Нов. Некр.) [4, с. 96] имеет то же значение, что и укр. *засилати старостів*, и связана с названием сельского старосты в этот период, сравн. рум. *primar* – уст. ‘примарь’; рум. *primărie* – уст. ‘примария (городская управа, сельское управление)’ [11, с. 79]. Слово было освоено в виде нескольких фонетических вариантов: *примарь, прымар, примарь, примырь*. Позже лек-

сема расширила свое значение, став многозначной. Так, согласно данным СРГО, слово бытует в речи русских переселенцев в трех значениях: 1) устар. 'сельский староста': *Примар при румынах был* (Возн.); 2) 'староста на свадьбе': *Примар на свадьбы, ен свадьбай рукаводит* (Возн.); 3) 'председатель сельсовета': *Па-вашау притсидатель сельсавета – па-старынскаму примар* (Спас.) [6, т. 2, с. 109–110]. Освоенное русскими название румынской мелкой монеты – *бань* (мн. *бани*, от рум. *ban*, -i – 1) 'мелкая монета'; 2) рл. 'деньги' [11, с. 79]), стало символизировать недостаток / отсутствие какого-л. важного качества на основе ассоциации «мелкие деньги – недостаток / нехватка чего-л.». В ФКМ русских переселенцев символом малости, значительной нехватки или отсутствия какого-л. качества стали *5 бань*, сравн. возникшую на региональной почве фразему *пять бань не дает* – неодобр. или шутил.-ирон. 'о беспечном человеке, которого ничего не волнует, не беспокоит': *У нивд работы нима, а он никуды ни кидайца, пять бань не дает* (Прим., 2017–2018) [4, с. 178]; *розуму на пять бань* у кого – неодобр. или шутил.-ирон. 'глупый человек': *Што с нивд взять, если у нивд розуму на пять бань* (Прим., 2017–2018) [4, с. 182–183]. Мотивация многозначной фраземы *байлык отбивать / отбить* – 1) 'выполнять / выполнить принудительную работу, отбивать / отбить повинность': *Байлык атбить – эта сваю павинасть, или йэта у нас уаварять «обязанность»* (Введ., 1971). *Здесь байлык адбывали* (Введ.); 2) часто шутил. или ирон. 'выполнять / выполнить обязанность': *Байлык адбывла я, рассказала старикам, што хатели* (Петр.) [4, с. 24] связана с ее ключевым компонентом «байлык», означавшем 'принудительную работу, повинность в период румынской оккупации': *А как рамыны были, дюжы гарманили, байлык справляли* [6, т. 1, с. 24; 4, с. 24], сравн. рум. *beilic* – 2) 'барщина' [11, с. 88]. Именной компонент фраземы *давать батай* кому – 'бить, избивать кого-л.', соотносится с рум. *bataje* – 1) 'побои'; 2) 'драка' и *bate* – 1) 'бить, избивать, колотить' [11, с. 84, 85].

Влияние молдавского языка. Длительные многолетние контакты с соседями-молдаванами оказались продуктивными в аспекте хозяйственной деятельности. Вместе с освоением новых для переселенцев понятий усваивались и новые слова, их обозначающие. Часть этих слов со временем становилась компонентом фразем. Так, заимствованный у молдаван способ подвязки винограда закрепился в виде УС *гараги (гаряди) делать* 'подвязывать виноград' (Ст. Некр., Рус. Ив.) [4, с. 66], где компонент *гарага* соотносится с молд. *арак, харак, хараг* 'колышек для подпорки', рум. *aras, harac, [harag]* в том же значении [10, т. 1, с. 470]. Термин «гарага (гаряга)» в значении 'колышек, вставленная в землю деревянная палка, к которой приклепляют виноградную лозу' (перевод наш – Н. А.) [12, с. 50], функционирует и в украинских говорах Одесщины.

Неизвестная русским до переселения овощная культура – кукуруза – была освоена ими вместе с обозначавшим ее молдаванизмом *папушдой* (сравн. рум. *paşusoi* 'кукуруза', *paşusa* 'початок молодой кукурузы' [11, с. 615]), трансформировавшимся у русских в лексемы *папуша, папушдой, папушдой, папушоа, папушун, папуша, папуша*, их ум.-ласк. формы *папушдойка, папушдойка* и дериваты *папушдовка* 'кукурузоуборочная машина', *папушовник* 'кукурузные стебли, используемые для покрытия крыши', *папушдовня* 'листья кукурузы' [6, т. 2, с. 13–14], что в дальнейшем послужило основой создания устойчивых сочетаний *папушдойная (папушдовая) мука* 'мука из пшеницы и кукурузы; кукурузная мука': *Пекли с папушдовой мукй малай и мешали туды кабака* (Ст. Некр., 1974). *Из папушдойной мукй роблють мамалыгу и малан* (Рус. Ив., 1982). *Ложут папушдойную муку* (Рус. Ив., 1982). *Туды сыпали папушдойную муку* (Павлов.) [4, с. 167; КСРГО] и *лися папушдова* – ласк. 'о рыжем или светловолосом, с редкими волосами человеке': *Дитеначек был бравинький, но такдой аблезинький, как лися папушдова* (Прим., 2017–2018) [4, с. 122]. Параллельно в быту переселенцев функционирует и литературное *кукуруза*, закрепившееся в УС *дратая кукуруза* 'зерна кукурузы, отделенные от кочерыжки': *Дал курам дратай кукурузы* (Ст. Некр.) [6, т. 1, с. 179].

В ФКМ русских диалектоносителей нашло отражение освоенное русскими молдавское национальное блюдо из кукурузной муки, воды или молока – кукурузная каша, часто употребляемая в пищу вместо хлеба и обозначаемая словом *мамалыга* (*мамалăга*), что послужило основой создания фраземы *как мамалăга* ‘о вялом, апатичном, безынициативном человеке’ [4, с. 107]. Не исключено, однако, что переносное значение лексемы *мамалăга* было заимствовано из молдавского языка, сравн. рум. *mămăligă* – 1) ‘мамалыга’; 2) перен. разг. ‘слабохарактерный, мягкий человек, тряпка’ [11, с. 515].

Ряд фразем является маркером иной – не своей культуры, к примеру, для жителей села Троицкого Беляевского района Одесской области символом молдавской погребальной обрядности является фразема с этнокультурным наполнением *отдавать стол* ‘от молдавской погребальной традиции, по которой после выноса умершего со двора в воротах ставят стол с вином и угощениями для пришедших на похороны’ (Троиц., 2019) [4, с. 149]. Достаточно широко распространены модальные фраземы-заимствования с высокой степенью экспрессивности: *и гата* (*и гать*) – экспресс. ‘и все, и конец, и кончено, и готово’: *Парастрѣлювали, и гать* (Аннов., 1967). *Приѣхали дамѡй, и гата* (Ст. Некр.). *А то чутечку, и гата* (Возн.). *Спать, и гата* [4, с. 99], где *гата* – ‘все, конец, достаточно’ от рум. *gata* ‘готово, кончено’ и молд. *gata* – в том же знач. [6, т. 1, с. 126; 14, с. 267; 11, с. 355]; *мэй дю на тебѣ!* – экспресс. ‘выражение несогласия с собеседником’: *Мэй дю на тебѣ!* (Прим., 2012) [13].

Влияние немецкого языка (немецкие колонисты были соседями русских диалектоносителей до 1940 года) на фраземику русских говоров Юга Украины обнаружено нами лишь во фраземах *оба цвай* – неодобр. ‘о нерадивых супругах’: *Дѣти там нищѣсные, бо што бѣтька, што мѣтка – оба цвай, какѡй шол – такую и нашѡл. Ничивѡ дѡма ни дѣлали, пѣлец аб пѣлец ни ударѣли* (Прим., 2017–2018) [4, с. 144], где компонент *цвай* – заимствование из немецкого, сравн. нем. *zwei* ‘два’. В основе фраземы, вероятно, лежит символика числа «два», сопряженная с мотивами полной идентичности, похожести, одинаковости, сравн. общеупотр. *два сапога пара, как две капли воды*, а также, в сочетании с компонентом-соматизмом, – с мотивом полноты, завершенности, предельного проявления признака: волг., шутл. *не обѡймешь двумя руками* – 1) кого ‘об очень полном человеке’; 2) ‘о большом количестве, избытке чего-л.’ [5, с. 577]; *две ноги с подходом* у кого – твер. о человеке, умеющем находить подход к людям [5, с. 440]; общеупотр. *двумя руками за* ‘быть полностью согласным с чем-л.’, *одна голова – хорошио, а две лучше*, болг. *загѣзвам с двата крака* (букв. *завязнуть двумя ногами*) ‘попадать в тяжелое положение’ [8, с. 107].

Тюркское влияние обнаруживаем во фраземе *ямѡн-ямѡн* ‘кое-как’: *Стѣли мы жѣть ямѡн-ямѡн* (Ст. Некр.) [6, т. 2, с. 292], где *ямѡн* – ‘худо, плохо, нехорошо’, сравн. тат., крым.-тат., тур., чагат., уйг. *jaman* – ‘плохо, плохой’ [15, с. 23; 16, с. 556]. Компонент *ямѡн* входит в состав некоторых других русских пословиц, сравн. *Нѡня атамѡн, взѣтра ямѡн* [15, с. 23]; *Ни яман, ни якиши, ни средней руки* (с татарск.) [17, т. 1, с. 369].

Влияние еврейского языка. Зафиксировано во фраземе *лея бѣгает* ‘о ленивой хозяйке’: *Лея бѣгаитъ* (Троиц.) [4, с. 121]. Именной компонент *лея* – производный от еврейского женского имени Лея – является широко распространенным в речи одесситов и означает ‘недалекую, несообразительную женщину; плохую хозяйку; толстую и нерасторопную женщину’ [18, с. 231].

Как видим на основе ряда приведенных примеров, тесные многолетние межъязыковые и межкультурные контакты носителей русских говоров Одессины с украинцами, молдаванами, болгарями, немцами, румынами нашли яркое отражение во фразеологическом фонде, определяя его своеобразие и оказывая несомненное влияние на формирование фразеологической картины мира русских переселенцев.

Список использованных источников

1. Мокиенко, В. М. Образы русской речи: Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии / В. М. Мокиенко. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. – 280 с.
2. Сивицкене, М. К. Некоторые вопросы изучения островных говоров / М. К. Сивицкене // Lietuvos TSR auks tjuj mokyklų mokslo darbai. – 1963. – № VIII. – С. 7–14.
3. Арефьева, Н. Г. Фразеология російських переселенських говірок Півдня України: лінгвокультурологічний та лексикографічний аспекти: дис. ... д-ра філол. наук : 10.02.02 / Н. Г. Арефьева; ОНУ імені І. І. Мечникова; ДНУ імені О. Гончара. – Дніпро, 2021. – 695 с.
4. ФСРГО – Арефьева, Н. Г. Фразеологический словарь русских говоров Одесщины; под ред. Е. Н. Степанова / Н. Г. Арефьева. – Одесса: ОНУ имени И. И. Мечникова, 2020. – 236 с.
5. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина; под общ. ред. В. М. Мокиенко. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.
6. СРГО – Словарь русских говоров Одесщины / ред. коллегия: проф. Ю. А. Карпенко (отв. ред.), проф. Уэмура, проф. Д. С. Ищенко, доц. Л. Ф. Баранник: в 2 т. – Одесса: Астро-Принт. – Т. I: А–О. – 2000. – 369 с.; Т. II: П–Я. – 2001. – 293 с.
7. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских народных сравнений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина; под общ. ред. В. М. Мокиенко. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 800 с.
8. Болгарско-русский словарь / сост. С. Б. Бернштейн. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 768 с.
9. Баранник, Л. Ф. Лексика русских переселенческих говоров Одесской области, функционирующих в разноязычном окружении: учебное пособие / Л. Ф. Баранник. – Одесса: ОНУ имени И. И. Мечникова, 2015. – 178 с.
10. ЕСУМ – Етимологічний словник української мови: у 7 т. / уклад. Г. П. Півторак та ін. – К.: Наукова думка, 1982–2012. – Т. 1. – 1982. – 634 с.
11. Румынско-русский словарь / под ред. Б. А. Андрианова и Д. Е. Михальчи. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1954. – 976 с.
12. Словник українських говірок Одесщини / редкол.: О. І. Бондар (голов. ред.), Л. І. Хащенко (заст. голов. ред.) та ін. – Одеса: ОНУ імені І. І. Мечникова, 2011. – 222 с.
13. Картотека «Словаря русских говоров Одесщины». Рукопись. Кафедра общего и славянского языкознания ОНУ имени И. И. Мечникова, 1956–2018.
14. Усачева, Л. Я. К истории курского говора на территории Одесской области (Говор сел Вознесенки и Введенки Арцизского р-на): дис. ... канд. филол. наук / Л. Я. Усачева. – Одесса, 1955. – 282 с.
15. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева; под общ. ред. В. М. Мокиенко. – М.: ОЛМА «Медиа групп», 2010. – 1026 с.
16. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер. – М., 1964–1973.
17. Даль, В. И. Пословицы русского народа: сборник: в 2-х томах / В. И. Даль. – М.: Художественная литература, 1984. – 399 с.
18. Степанов, С. М. Російське мовлення Одеси: монографія / С. М. Степанов. – Одеса: «Астропринт», 2004. – 496 с.

Abstract. The article deals with foreign language and cultural influence in the phraseology of Russian dialects of Odessa region. The facts of interlingual and intercultural – Slavic and non-Slavic – interaction are given. The author comes to conclusion about the most significant influence of the closely related Ukrainian language and its dialects on the phrasemics of Russian dialect speakers.

Keywords: Russian dialects of Odessa region, dialect phraseme, interlingual and intercultural contacts, foreign language influence, phraseological picture of the world.